

Сергей Шанованов

Тень

ЗА МИНАРЕТОМ

18+

Сергей Шаповалов

Тень за минаретом

<https://litres.ru/74285432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая москвичка прилетает в Анталью — пятизвёздочный отель, золотой песок, роскошь, в которой легко заблудиться. Родители отправили её сюда «остудить» отношения с женихом перед свадьбой. Но золотая клетка курорта трещит по швам, когда она встречает Кемаля — харизматичного курьера на мопеде, обещающего показать «настоящую Турцию».

«Тень за минаретом» — жёсткая, физиологичная проза о том, как быстро рушится иллюзия свободы. О цене одного неверного шага. О золотой клетке, которая в один миг превращается в настоящую тюрьму — и о долгом, мучительном пути обратно, если обратный путь вообще возможен.

Это не история о любви. Это история о выживании.

Содержание

Глава	4
Пролог. Иллюзия рая	5
Глава 1. Золотая пыль Анталы	10
Глава 2. Поворот не туда	19
Глава 3. Точка невозврата	27
Глава 4. Глиняные стены	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Шаповалов

Тень за минаретом

Глава

Пролог. Иллюзия рая

В VIP-зале аэропорта пахло кожей кресел и кофе из автомата, который варил его непростительно долго, с каким-то подчёркнутым достоинством, словно давая пассажирам время осознать собственную значимость. Елена сидела у панорамного окна и смотрела на мокрую взлётную полосу. За стеклом шёл мелкий сентябрьский дождь — тот самый, московский, который не льёт, а висит в воздухе серой водяной пылью, оседая на воротниках и в складках зонтов. Самолёты выруливали медленно, как сонные рыбы.

Отец говорил по телефону. Он всегда говорил по телефону — даже в те редкие минуты, когда телефон молчал, он словно бы продолжал разговор, шевелил желваками, поджимал губы, кивал невидимому собеседнику. Сейчас он обсуждал какую-то поставку, и голос его звучал ровно, уверенно, с той особенной интонацией человека, который привык, чтобы его слушали и не перебивали. Мать сидела напротив, листала глянцевого журнала и время от времени поднимала глаза на дочь — не то чтобы с тревогой, скорее с хозяйским присмотром.

— Ты же понимаешь, Лен, мы не против Сергея, — ска-

зала она, не отрываясь от страницы с рекламой швейцарских часов. — Мальчик хороший. Семья приличная. Но вы слишком закрутились с этой свадьбой. Нервы у всех. Тебе нужно остыть.

Слово «остыть» прозвучало так, будто речь шла о перегревшемся двигателе. Елена перевела взгляд с дождя на мать. Та сидела в бежевом кашемировом пальто, которое стоило примерно столько же, сколько двухнедельный тур в Анталию, и выглядела безупречно — как картинка из журнала, который держала в руках. В её облике не было ни одной случайной детали: ни складочки лишней, ни волоска, выбившегося из причёски.

— Я не просила меня никуда отправлять, — сказала Елена тихо.

Отец закончил разговор, убрал телефон во внутренний карман пиджака и посмотрел на дочь поверх очков.

— Никто тебя не ссылает, — произнёс он примирительно. — Отдохнёшь. Море, солнце. Турция в сентябре — рай. У нас партнёры в Анталье, если что — позвонят, встретят. Отель пять звёзд, всё включено. Чего тебе ещё надо?

Чего ей ещё надо. Елена не ответила. Она подумала, что

если бы у неё спросили, чего ей надо на самом деле, она, пожалуй, не смогла бы сформулировать. Может быть, чтобы отец хоть раз убрал телефон и посмотрел на неё не поверх очков, а прямо, как смотрят на человека, которому не нужно ничего объяснять про партнёров в Анталье. Может быть, чтобы мать хоть раз появилась перед ней без этого бежевого панциря, в чём-нибудь домашнем, простом, с распущенными волосами — и сказала что-нибудь не про «мальчик хороший, семья приличная», а про неё саму.

В динамиках объявили посадку. Голос диктора, женский, механически-приветливый, разнёсся по залу и растворился в шорохе чемоданов.

Елена поднялась. Дорогая сумка, купленная специально для этой поездки, оттягивала плечо. Мать подошла, поправила ей воротник — привычным движением, которое Елена помнила с детства, но которое теперь вызывало не благодарность, а глухое раздражение.

— Звони, — сказала мать. — И не сиди в номере. Купайся, загорай. Ты бледная совсем.

Отец обнял её коротко, сухо, пахнуло дорогим одеколоном.

— Через две недели дома, — сказал он. — И за свадьбу.

И подмигнул. Подмигнул так, словно они были сообщниками в каком-то деле, сути которого она не понимала.

Елена шла по рукаву к самолёту и думала, что две недели — это много и мало одновременно. Много, потому что четырнадцать дней в одиночестве, в чужой стране, среди незнакомых людей — это почти вечность для человека, который привык к шуму московских улиц и к разговорам, в которых никто никого не слышит. Мало, потому что через две недели всё вернётся на круги своя: свадьба, Серёжа, квартира на Пресне, воскресные обеды у родителей, где будут обсуждать ремонт, ипотеку и когда уже внуки.

Самолёт был полупустой. Елена села у окна, пристегнулась и закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали картинки: Серёжа, который дарит кольцо с таким лицом, будто подписывает важный контракт; мать, которая уже трижды переделывала список гостей; отец, который обещал оплатить банкет и забыл, потому что у него горят какие-то тендеры.

Она вдруг отчётливо поняла, что этот отпуск — не подарок и не передышка. Это ссылка. Мягкая, обставленная с комфортом, но ссылка. Клетка из золота, как она мыслен-

но назвала её, ещё когда мать впервые заговорила о поездке. Клетка, в которой ты должен прийти в себя, образумиться, перестать капризничать — и вернуться послушным зверьком, готовым исполнять предписанное.

Иллюзия рая. Вот что такое этот отпуск.

Самолёт вздрогнул, оторвался от земли и начал набирать высоту. За окном проплывали серые облака, подсвеченные снизу огнями города. Елена смотрела, как Москва уходит вниз, уменьшается, превращается в россыпь огней, и чувствовала странную смесь страха и облегчения.

Она не знала, что обратно она вернётся другой — через девять месяцев, не через две недели. И что иллюзия рая обернётся иллюзией ада, который будет куда реальнее всего, что она могла себе вообразить в этом удобном самолётном кресле, под шум кондиционеров и вежливый голос стюардессы, предлагающей шампанское.

Она взяла бокал. Шампанское было холодным, колючим, и пузырьки лопались на языке, оставляя металлическое послевкусие — вкус золотой клетки.

Глава 1. Золотая пыль Анталы

Анталья встретила её жарой — той особенной, южной, которая не обжигает, а обволакивает, проникает под кожу, заставляя кровь течь медленнее. Елена сошла с трапа и на мгновение замерла: воздух был густым, почти видимым, он дрожал над бетоном взлётной полосы, и в этом дрожании чудилось что-то гипнотическое. Пахло керосином, разогретым асфальтом и чем-то сладким — не то цветами, не то специями, не понять.

Трансфер подали быстро. Кондиционированный микроавтобус, кожаные сиденья, бутылка воды с этикеткой на турецком. Водитель, улыбчивый турок лет сорока, всю дорогу что-то рассказывал по-английски — про погоду, про море, про то, что сентябрь — лучший месяц. Елена кивала, не вслушиваясь. За окном проплывали пальмы, белые виллы, рекламные щиты с улыбающимися людьми, держащими в руках бокалы с чем-то оранжевым.

Отель возник из-за поворота неожиданно — огромный, белоснежный, с колоннами, арками и стеклянными лифтами, ползущими по фасаду, как прозрачные жуки. Вывеска горела золотом. Швейцар в красной ливрее распахнул дверь,

и Елена вошла в холл, напоминающий скорее дворец, чем гостиницу: мраморный пол, хрустальные люстры размером с автомобиль, фонтан посреди зала, в котором плавали живые карпы. Пахло кондиционированным воздухом и дорогими духами — тем самым гостиничным запахом, который одинаков во всех пятизвёздочных отелях мира, от Дубая до Парижа.

Администратор за стойкой улыбнулся так, словно ждал её всю жизнь. Паспорт, подпись, ключ-карта. Всё быстро, отлаженно, без единой заминки.

— Добро пожаловать в рай, мадам, — сказал он и улыбнулся ещё шире.

Номер был на седьмом этаже. Огромная кровать с балдахином, балкон с видом на море, мраморная ванная с позолоченными кранами. На столике — корзина с фруктами и бутылка белого вина в ведёрке со льдом. Карточка: «С наилучшими пожеланиями от администрации». Елена провела пальцем по холодному боку бутылки, и на коже остался влажный след.

Она вышла на балкон. Море лежало перед ней — огромное, синее, неподвижное, словно нарисованное. Солнце клонилось к закату, и вода отливала расплавленным золотом.

Где-то внизу, у бассейна, играла музыка, слышался смех, звон бокалов. Пахло морем, хлоркой и жареным мясом — ветер доносил запахи от ресторана на пляже.

Красиво, подумала она. Очень красиво. И пусто.

Пустота была внутри — та самая, московская, которую она надеялась оставить за бортом самолёта. Но пустота прилетела вместе с ней, распаковала чемоданы, устроилась в этом огромном номере, заняла кресло у окна и смотрела на неё с усмешкой. Ты думала, здесь будет иначе? Нет, дорогая. География не лечит.

Вечером она спустилась к ужину. Ресторан «шведский стол» поражал изобилием: горы креветок, башни из фруктов, мясо на гриле, десятки салатов, пирамиды пирожных. Люди накладывали еду на тарелки с какой-то жадной сосредоточенностью, словно боялись, что всё это исчезнет. Немцы, русские, англичане — публика пёстрая, шумная, разномастная. Елена взяла бокал белого и села за столик в углу.

Она думала о Серёже. Они познакомились три года назад на дне рождения общей подруги, и всё было хорошо — правильно, как любят говорить родители. Он был из хорошей семьи. У него была квартира, машина, работа в банке. Он не пил, не курил, не изменял — во всяком случае, она так ду-

мала. Он хотел детей. Чего ещё желать? И всё же в последние месяцы Елена ловила себя на мысли, что смотрит на Серёжу как на предмет мебели — добротный, надёжный, но совершенно неинтересный. Она знала каждое его слово наперёд, каждое движение, каждый жест. Он был предсказуем, как расписание электричек.

Она отставила бокал и подумала, что зря вообще согласилась на эту помолвку.

Следующее утро началось с острого, назойливого солнца, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы, и с громкого, пронзительно-чужого звука, который она не сразу опознала: азан. Где-то неподалёку, за территорией отеля, муэдзин выводил свою тягучую мелодию, и голос его плыл над пальмами, над бассейнами, над сонными туристами, ещё не успевшими занять шезлонги, — гортанный, вибрирующий, полный тоски и упрёка. Елена лежала, слушала этот напев, и ей казалось, что он обращён именно к ней. Вставай. Смотри. Слушай. Здесь всё не так, как ты привыкла.

После завтрака она пошла гулять. Территория отеля была огромной, ухоженной, почти неестественной в своём совершенстве: ровные ряды пальм, подстриженные кусты, газоны такой зелени, какая не снилась и английским паркам. Садовники в соломенных шляпах поливали цветы, и вода в лучах

солнца рассыпалась радужной пылью.

У выхода за территорию она заметила мопед. Старенький, потрёпанный, он стоял у служебных ворот, и рядом с ним сидел на корточках молодой турок — курил и смотрел в телефон. На нём была выцветшая футболка, джинсы с протёртыми коленями и разношенные кроссовки. Рядом, пристёгнутый к багажной решётке, стоял термобокс с логотипом какой-то кебабной.

Он поднял глаза. Глаза были чёрные, быстрые, цепкие.

— Эй, — сказал он по-английски. — Ты русская?

Елена остановилась.

— Русская.

— Я знал. — Он улыбнулся. Улыбка была мальчишеская, открытая, не вязавшаяся с жёсткой линией челюсти и тёмной щетиной на щеках. — Русские всегда ходят с таким лицом. Скучают.

— Я не скучаю.

— Скучаешь. — Он затаился, выпустил дым. — Пять

звёзд, всё включено, а лицо как на похоронах.

Елена не нашлась что ответить. Он был прав, и правда эта прозвучала обидно и неожиданно.

— Меня зовут Кемаль, — сказал он, поднимаясь. — Я тут еду вожу. Для персонала. Не туристам. Туристы едят в ресторанах. — Он кивнул на термодоб. — А персонал — вот это. Лахмаджун, кебаб. Хочешь попробовать?

— Я только что с завтрака.

— Тот завтрак — не еда. — Он сморщил нос. — Пластик. Турецкая еда — это другое. Я тебя угощу. Бесплатно. — Он подмигнул. — В честь знакомства.

Она покачала головой, но улыбнулась.

— Спасибо, не надо.

— Тогда кофе. Настоящий турецкий кофе. Здесь такого не варят.

— Я не пью кофе.

— Тогда чай. Чай ты пьёшь?

Чай она пила. И почему-то согласилась. Может быть, оттого, что этот парень был первым человеком за последние сутки, который говорил с ней не как с гостьей, не как с клиенткой, не как с пунктом в списке, а как с живым человеком. Или оттого, что в его глазах горел какой-то живой, почти детский огонёк, которого она давно не видела ни у кого из своего окружения.

Они сидели на парапете у служебной парковки, пили чай из маленьких стеклянных стаканчиков, и Кемаль рассказывал. Он говорил по-английски плохо, с сильным акцентом, путал артикли и времена, но в его речи было что-то подкупающее — может быть, та самая прямота, которую Елена так редко встречала в Москве, где каждое слово проходило тройную фильтрацию. Он рассказывал про Анталью, про то, что туристы видят только фасад, декорацию, «как в кино», а настоящая Турция совсем другая. Про свою деревню в горах, куда он иногда ездит к родителям. Про то, что в отеле работает его двоюродный брат — барменом в лобби-баре, — и поэтому Кемалья пускают на служебную территорию.

— Ты видишь только это, — он обвёл рукой пальмы, бассейны, белые корпуса отеля. — Но это не Турция. Это... как сказать... декорация. Disneyland. А Турция — там. — Он махнул рукой куда-то в сторону гор. — Хочешь, покажу?

Елена посмотрела на него. Чёрные глаза смотрели прямо, без смущения, без подобострастия. В Москве на неё так не смотрел никто.

— Когда? — спросила она.

— Завтра. Утром. У меня выходной. Поедем на мопеде. Я покажу тебе горы, настоящую деревню, речку. Там красиво. Не как здесь. По-настоящему.

Она колебалась ровно секунду. Может быть, две. Здравый смысл подсказывал, что соглашаться на поездку с незнакомым курьером в чужой стране — глупо и опасно. Но здравый смысл говорил голосом матери. А голос матери Елена слушала всю жизнь — и вот к чему это привело: к золочёной клетке, к помолвке с человеком, которого она не любила, к отпуску, который был вовсе не отпуском, а побегом от самой себя.

— Хорошо, — сказала она. — Покажи.

Кемаль улыбнулся, и в его улыбке ей почудилось что-то новое — не просто мальчишеская радость, а какой-то глубинный, тёмный огонёк, мелькнувший на дне чёрных глаз. Но она не придала этому значения. Солнце, чай, жара, гор-

танная турецкая речь вокруг — всё это притупляло бдительность, усыпляло, погружало в сладкое, вязкое оцепенение.

Она вернулась в номер. Включила кондиционер на полную мощность, легла на кровать и долго смотрела в потолок. Где-то там, за стеклянной стеной отеля, шумело море. А где-то ещё дальше, за горами, лежала другая страна — настоящая, если верить Кемалю. Страна, которую она хотела увидеть.

Она ещё не знала, что эта страна её поглотит.

Глава 2. Поворот не туда

Он ждал её у служебных ворот в семь утра. Солнце ещё только поднималось из-за гор, и воздух был по-утреннему прозрачен, ещё не отяжелевший от дневного зноя. Мопед стоял тут же — старенький «Хонда», краска на боках облупилась, сиденье потрескалось, но колёса были новые, и это внушало смутную надежду.

Кемаль курил, прислонившись к мопеду, и, увидев Елену, расплылся в улыбке.

— Не передумала, — сказал он одобрительно. — Русские девушки смелые.

— Русские девушки глупые, — ответила она, но улыбнулась в ответ.

На ней было лёгкое платье и сандалии — наряд, совершенно не приспособленный для горной дороги, но она об этом не думала. В голове стоял лёгкий, приятный туман, какой бывает после бессонной ночи, когда решение уже принято и обратного хода нет.

Она села позади него. Мопед затарахтел, выпустил сизое облачко дыма и покатил, набирая скорость. Выехали со служебной парковки, миновали шлагбаум, свернули на трассу.

Первые полчаса ехали вдоль побережья. Слева — море, бескрайнее, синее, сливающееся у горизонта с небом. Справа — отели, белые, многоэтажные, сверкающие стёклами. Потом отели кончились, и начался город — настоящий, не туристический: узкие улочки, облупившиеся фасады, верёвки с бельём, натянутые между балконами, вывески на турецком, крики торговцев, запах жареной рыбы и специй. Мопед петлял между машин, лавировал, нырял в какие-то проулки, и Елена вцепилась в плечи Кемаля — не от страха, а скорее от неожиданности. Плечи были твёрдые, горячие, и от его футболки пахло табаком и потом — запахом не противным, а каким-то живым, настоящим.

Город кончился внезапно. Дорога пошла вверх.

Серпантин начался сразу за последними домами. Асфальт сменился грунтовкой, грунтовка — каменистой тропой. Мопед гудел, надрывался, но полз вверх, к перевалу. Горы подступали со всех сторон — серые, поросшие колючим кустарником, кое-где расцветченные пятнами диких цветов. Воздух стал суше, резче, в нём появился запах пыли и каких-то трав — горьких, пряных. Елена вдыхала этот воздух, и ей каза-

лось, что с каждым вдохом из лёгких выходит что-то московское, спёртое, накопившееся за годы.

Они поднялись на перевал. Кемаль заглушил мотор и кивнул: смотри. Внизу, далеко-далеко, лежала Анталья — белая, плоская, как рассыпанная соль. Море уходило за горизонт. А за перевалом открывалась совсем другая картина: долина, зелёная, холмистая, с крошечными деревушками, прилепившимися к склонам, и тонкой ниткой реки на дне.

— Вот, — сказал Кемаль. — Это Турция. Настоящая.

Она молчала. Говорить не хотелось. Хотелось стоять и смотреть, и дышать, и чувствовать, как ветер треплет волосы, как солнце печёт плечи, как внутри что-то медленно, нехотя оттаивает.

Они поехали дальше. Миновали деревню — несколько домов, мечеть с единственным минаретом, стадо овец, перегоняемое через дорогу. Старик-пастух поднял руку в знак приветствия. Кемаль что-то крикнул ему по-турецки. Елена не поняла, но в голосе Кемаля ей послышалась какая-то новая интонация — более жёсткая, хозяйская.

Потом был обед. Кемаль остановился у придорожного кафе — даже не кафе, а навеса с пластиковыми столами, где

старик в засаленном фартуке жарил на мангале кебаб. Они сидели на деревянных скамьях, ели руками, запивали айраном из глиняных кружек. Мясо было жёсткое, пряное, обжигающее рот. Мухи вились над столом, и Елена отмахивалась, но без раздражения. Здесь всё было иначе. Здесь не было отельного лоска, не было «шведского стола» с пирамидами креветок, и именно поэтому здесь было хорошо. По-настоящему.

После обеда Кемаль предложил подняться ещё выше — к водопаду, о котором знают только местные.

— Там никого нет. Вообще. Рай, — сказал он и снова подмигнул.

Она согласилась. Внутри шевельнулось что-то похожее на тревогу — но слабо, едва различимо. Солнце, жара, усталость, айран, горный воздух — всё это притупляло бдительность, как лёгкое опьянение.

Водопад был и правда райским местом. Узкое ущелье, заросшее буком и диким инжиром. Вода падала с десятиметровой высоты в каменную чашу, прозрачную до самого дна. Вокруг — ни души. Только шум воды и цикады.

Елена сбросила сандалии и вошла в воду. Ледяная, об-

жигающая — после дорожной пыли и пота это было почти больно, но боль была приятной, отрезвляющей. Она стояла по колено в воде и смеялась — сама не зная чему.

А потом Кемаль подошёл. Он вошёл в воду прямо в джинсах, не снимая футболки, и встал рядом — слишком близко. От него пахло потом, табаком, дорожной пылью. Он взял её за руку — просто взял и всё, без спроса, без церемоний. Его ладонь была шершавой, мозолистой, совсем не такой, как у Серёжи.

Она не отдёрнула руку.

Она подумала о Серёже — и эта мысль промелькнула и исчезла, как тень птицы над водой. Серёжа остался где-то далеко, в Москве, в мире кондиционированных офисов, смс-сообщений, списков гостей на свадьбу. Здесь его не было. Здесь вообще ничего не было — только шум воды, запах инжира и эта шершавая ладонь, державшая её руку.

Кемаль повернул её к себе. Чёрные глаза смотрели прямо, без тени сомнения. Он что-то сказал по-турецки — тихо, вполголоса, — и хотя она не поняла ни слова, смысл был ясен.

Она не сопротивлялась. Может быть, оттого, что хотелось

свободы — той самой, о которой она читала в книгах, но никогда не пробовала на вкус. Может быть, оттого, что хотелось сделать наконец что-то неправильное, глупое, безрассудное — наперекор матери, наперекор Серёже, наперекор всей своей благополучной, распланированной на годы вперёд жизни.

Это случилось там, у водопада, на траве, под шум падающей воды. И после, лёжа на спине и глядя в небо — бесконечно высокое, бледно-голубое, чужое, — Елена чувствовала не стыд, не раскаяние, а странное, пьянящее чувство свободы. Как будто она перешагнула через невидимую черту и теперь дороги назад уже не было.

Они пробыли у водопада до заката, а потом ещё дольше — Кемаль разжёл костёр, достал из рюкзака лепёшки, сыр, помидоры, бутылку раки. Он пил из горлышка, предлагал ей, и она тоже пила — впервые в жизни, анисовая водка обжигала горло, туманила голову. Они сидели у огня, и Кемаль рассказывал — теперь уже без обычной своей улыбочки, серьёзно, даже мрачно. Он говорил о своей семье, о деревне, об отце, который держит дом в кулаке, о матери, которая никогда не смеётся. Говорил, что хочет вырваться, уехать в Стамбул, а может, и дальше — в Европу. Говорил, что туризм — это клетка, что он ненавидит отели, ненавидит туристов, ненавидит эту вечную улыбку, которую приходится

носить, как маску.

Она слушала — и впервые за долгое время чувствовала, что слушает живого человека. Не функцию, не роль, не жёниха из хорошей семьи, не отца с его деловыми интонациями. Живого. С болью. С ненавистью. С мечтой.

Уснули они там же, у костра, на старой куртке Кемалья.

Утром, когда солнце поднялось над ущельем, Елена проснулась с головной болью и странным чувством нереальности происходящего. Кемаль уже не спал — сидел на камне, курил, смотрел на водопад. Увидев, что она проснулась, он улыбнулся — но теперь в его улыбке ей почудилось что-то другое. Не радость. Скорее, удовлетворение. Как у охотника, проверившего силки.

— Пора ехать, — сказал он. — В отель. Твои, наверное, ищут.

Обратная дорога была другой. Солнце палило уже всерьёз, воздух дрожал над камнями, мопед ревел, переваливаясь через ухабы. Елена сидела позади Кемалья и думала. Думала о том, что произошло. О том, что теперь всё изменилось. О том, что она — уже не та Елена, которая вылетела из Москвы два дня назад.

Она думала, что это и есть свобода.

В отель они вернулись только к вечеру. Кемаль высадил её у служебных ворот, поцеловал в щёку — быстро, по-свойски, — и укатил, пообещав приехать завтра. Елена поднялась в номер. Включила телефон, который оставила в сейфе.

Тридцать два пропущенных звонка. Девятнадцать от матери. Восемь от Серёжи. Пять от отца.

Она не стала перезванивать. Сбросила платье, встала под душ и стояла так долго-долго, глядя, как вода — ржавая от горной пыли — стекает в сливное отверстие.

И только потом, уже лёжа в кровати, она вдруг отчётливо, почти физически ощутила: с ней что-то случилось. Не просто приключение, не просто измена, не просто глупость. Что-то, чего она ещё не могла назвать словами, но что уже начало свой медленный, неотвратимый ход — как камень, сорвавшийся со скалы и ещё не долетевший до дна.

Глава 3. Точка невозврата

Серёжа прилетел на следующее утро. Не предупредил, не позвонил — просто взял билет и прилетел. Она ещё спала, когда в дверь номера постучали — не вежливо, не по-гостиничному, а громко, требовательно, тем особенным стуком, который не спутаешь ни с чем: так стучат люди, имеющие право.

Елена открыла. Он стоял на пороге — в мятой рубашке, с красными от недосыпа глазами, с дорожной сумкой через плечо. От него пахло самолётом, тем особенным запахом рециркулированного воздуха и чужого пота, который въедается в одежду за четыре часа полёта. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом он вошёл, бросил сумку на пол и закрыл за собой дверь.

— Ты не брала трубку, — сказал он. Голос был ровный, но в нём звенела та особенная, хорошо знакомая Елене нота — нота сдерживаемой ярости. Так он говорил с подчинёнными, когда те срывали дедлайны. — Тридцать два звонка. Твоя мать с ума сходит. Я с ума схожу. Что происходит?

Елена стояла посреди номера, кутаясь в гостиничный ха-

лат. Солнце било в окно, и в его лучах плясали пылинки — золотая взвесь, невесомая и бесполезная. Она смотрела на Серёжу и думала о том, что ещё позавчера его приезд показался бы ей романтическим жестом, а теперь он казался лишь вторжением. Грубым, бесцеремонным вторжением в её новую, ещё не до конца осознанную жизнь.

— Я была занята, — сказала она тихо.

— Занята? — Он усмехнулся. Усмешка вышла кривая, нехорошая. — Ты в отпуске. В пятизвёздочном отеле. Чем ты можешь быть занята?

Она молчала. И это молчание было красноречивее любых слов. Серёжа смотрел на неё — сначала с недоумением, потом с подозрением, потом с тем особым мужским чутьём, которое срабатывает безошибочно, как детектор лжи.

— Лена, — сказал он медленно. — Где ты была вчера?

— Гуляла.

— Гуляла. Весь день. И всю ночь.

— Да.

— Одна?

Она подняла глаза. Серёжа был высок, широк в плечах, красив той правильной, спортивной красотой, которая так нравится матерям. Сейчас он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё сверху вниз — как смотрят на провинившегося ребёнка. И в этом взгляде было всё: его уверенность в своей правоте, его убеждённость в том, что он имеет право спрашивать, его хозяйское отношение к ней как к вещи, которая временно вышла из-под контроля.

И Елена вдруг поняла, что больше не хочет. Ни оправдаться, ни объяснять, ни притворяться. Не хочет — и не будет.

— Не одна, — сказала она. Голос прозвучал спокойно, почти буднично. — Я была с мужчиной.

Тишина. Пылинки в солнечном луче замерли. Кондиционер щёлкнул и загудел громче.

— Что? — переспросил Серёжа. Ей показалось, что он не понял. Но он понял. Просто не поверил.

— Я была с мужчиной, — повторила она. — С турком. Его зовут Кемаль. Мы провели ночь в горах.

Серёжа молчал. Лицо его не изменилось — оно окаменело. Только желваки заходили под скулами да пальцы, сжимавшие лямку дорожной сумки, побелели.

— Ты врёшь, — сказал он наконец.

— Нет.

— Ты хочешь меня разозлить. Это такая игра?

— Нет, Серёж. Не игра.

Он отшвырнул сумку. Та ударилась о стену, что-то внутри звякнуло — кажется, флакон с одеколоном. Серёжа подошёл вплотную. От него пахло потом и злостью, и запах этот был острым, животным, почти невыносимым.

— Я ради тебя всё бросил, — заговорил он быстро, захлёбываясь словами. — Я прилетел. Я волновался. А ты... ты с каким-то турком? С курьером? С официантом? Ты в своём уме?

— Он не официант.

— Да мне плевать, кто он! — Он почти кричал. — Ты —

моя невеста. У нас свадьба через два месяца. Ты носишь моё кольцо. Или ты забыла?

Елена опустила взгляд. Кольцо было на пальце — тонкий платиновый ободок с бриллиантом, который Серёжа выбирал два месяца, советуясь с её матерью. Она медленно сняла его. Кольцо соскользнуло легко, почти охотно — палец загорел на турецком солнце, но под кольцом осталась белая полоска незагоревшей кожи.

— Что ты делаешь? — спросил Серёжа. Голос его вдруг сел, стал хриплым.

Она замахнулась. Кольцо описало короткую дугу и ударилось о стену — не о ту, куда упала сумка, а о противоположную, над кроватью. Звякнуло — тонко, жалобно. Отскочило. Закатилось под кровать.

Серёжа смотрел на неё так, словно она ударила его. Не кольцом — кулаком.

— Ты... — он не договорил. Подошёл, опустился на колени, пошарил рукой под кроватью. Достал кольцо. Положил на ладонь. Бриллиант подмигивал в солнечном свете — насмешливо, как показалось Елене.

— Ты сейчас не в себе, — сказал он, поднимаясь. Говорил он теперь тихо, почти спокойно, но это было спокойствие человека, который ещё не до конца осознал случившееся. — Давай так. Я пойду. Прогуляюсь. Вернусь через час. А ты подумашь. Хорошо подумашь. И мы поговорим. Как взрослые люди.

— Не надо возвращаться, — сказала Елена.

— Что?

— Не надо. Я всё решила.

Серёжа уставился на неё. Казалось, он пытается найти в её лице хоть что-то знакомое — ту Лену, которую он знал три года, с которой собирался прожить всю жизнь. Но той Лены больше не было. Перед ним стояла другая женщина — чужая, с обветренными губами, с загаром на плечах, с глазами, в которых горел какой-то новый, незнакомый ему огонь.

— Ты сошла с ума, — сказал он тихо. — Тебя лечить надо.

Она не ответила. Подошла к шкафу, достала чемодан, бросила на кровать. Начала складывать вещи — быстро, сноровисто, не глядя. Платья, бельё, косметичка, паспорт. Серёжа стоял и смотрел — всё ещё не веря, всё ещё надеясь,

что это спектакль, что сейчас она остановится, расплатится, скажет «прости, я не знаю, что на меня нашло». Но она не останавливалась.

Телефон на тумбочке завибрировал. Экран высветил. «Мама». Елена, не глядя, сбросила. Через секунду — снова. И снова. И снова.

— Ты ей хоть позвони, — сказал Серёжа глухо. — Она же там с ума сходит.

Елена взяла телефон. Посмотрела на экран. И нажала «отключить».

— Я позвоню. Потом.

— Когда — потом? Лена, ты вообще соображаешь, что делаешь?

— Впервые в жизни соображаю, — ответила она.

Она застегнула чемодан. Сняла с вешалки лёгкую куртку. Подошла к двери. Серёжа преградил дорогу — не агрессивно, скорее растерянно, как человек, который пытается удерживать воду в решете.

— Лена... — начал он.

— Дай пройти.

— Ты пожалеешь. Ты не понимаешь, что делаешь. Это же не просто так — бросить всё и уйти к какому-то... турку. У него ничего нет. Ты его даже не знаешь.

— Тебя я тоже не знала. И что?

Он отступил. Медленно, нехотя, как отступают перед неизбежным. Елена открыла дверь, вышла в коридор и, не оборачиваясь, пошла к лифту.

Лифт спускался долго — семь этажей, семь вспышек цифр на табло. Она стояла, держа чемодан за ручку, и смотрела на своё отражение в зеркальной стене кабины. Из зеркала на неё глядела молодая женщина с решительным, почти отчаянным лицом. Узнать в ней вчерашнюю московскую невесту было трудно.

В холле она прошла мимо фонтана с карпами, мимо швейцара, который, узнав её, вежливо поклонился, мимо туристов, тянувших чемоданы к автобусу. Вышла на улицу. Жара ударила в лицо — плотная, неумолимая. Солнце стояло в зените. От асфальта поднималось марево.

Она достала телефон, включила. Сорок семь пропущенных звонков. СМС от матери: «Лена, возьми трубку. Я знаю, что Серёжа вылетел. Пожалуйста». СМС от отца: «Это не смешно. Позвони». СМС от подруги: «Ты там жива вообще???»

Она не ответила ни на одно. Нашла в записной книжке номер Кемалю — он дал ей его накануне. Написала: «Я ушла из отеля. Забери меня».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Жду у ворот».

Через пять минут она сидела на мопеде позади Кемалю, и чемодан, примотанный верёвкой к багажнику, подпрыгивал на ухабах. Ветер бил в лицо, солнце жгло плечи, а внутри было странное, пугающее чувство — смесь ужаса и восторга. Как у человека, который шагнул с обрыва и ещё не знает, раскроется ли парашют.

Она не обернулась. Ни на отель. Ни на Серёжу, который, возможно, стоял сейчас у окна и смотрел на удаляющийся мопед. Ни на свою прежнюю жизнь, которая осталась там, на седьмом этаже, вместе с обручальным кольцом, закатившимся под кровать.

Точка невозврата была пройдена. Дальше дорога шла только вниз — под гору, в неизвестность, из которой, как ей тогда казалось, она выйдет победительницей.

Глава 4. Глиняные стены

Кемаль снимал квартиру в районе, которого не было ни на одной туристической карте. Мопед долго петлял окраинными улицами, где асфальт сменялся щебёнкой, щебёнка — пылью, а пыль — утоптанной глиной. Дома здесь были низкие, приземистые, слепленные из бетонных блоков и кое-как оштукатуренные. На верёвках, протянутых между окнами, сушилось бельё. Тощие кошки жались к стенам, спасаясь от солнца. Пахло жареным луком, мусором и нагретой пылью — тем особым запахом бедности, который всюду одинаков, будь то окраина Анталы или депрессивная деревня под Москвой.

Кемаль заглушил мотор у трёхэтажного дома песочного цвета с облупившейся краской. Вывески не было. Вместо подъезда — железная дверь, выкрашенная синим, и каменная лестница без перил, стёртая тысячами шагов.

— Здесь, — сказал Кемаль. — Мой дом. Скромно, но жить можно.

Елена посмотрела на дом. В Москве она привыкла к другому: мраморные холлы, консьержи, бесшумные лифты.

Здесь консьержем служил старик с чёрными от грязи ногтями, сидевший на перевёрнутом ящике у двери. Завидев Кемалья, он кивнул, перевёл взгляд на Елену, оглядел её — медленно, без стеснения, как оглядывают скотину на базаре, — и сплюнул на землю.

Квартира была на втором этаже. Кемаль отпер дверь и пропустил её вперёд. Елена вошла и остановилась. Комната была одна. Узкая, вытянутая, с низким потолком и единственным окном, выходящим на соседскую стену. Мебель: продавленный диван, стол с пластиковой скатертью, два стула, шкаф с оторванной дверцей. На стене — выцветший плакат с видом Босфора и пожелтевшая газетная вырезка. В углу — газовая плита на две конфорки. Полы дощатые, некрашенные, с чёрными щелями между досок. Вместо люстры — лампочка на шнуре, свисающая с потолка.

Пахло сыростью, старой известкой и табаком. Где-то за стеной заплакал ребёнок. С улицы доносился гул мопедов и гортанная турецкая речь.

— Мило, — сказала Елена. Она сама не знала, что имела в виду.

Кемаль поставил её чемодан в угол. Обвёл комнату рукой — хозяйским, горделивым жестом.

— Это временно, — сказал он. — Потом переедем. У меня есть план. Я скопил денег. Открою своё дело. Небольшой ресторан. Или магазин. Ты мне поможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.